

— Мы оба одиночки в работе, такие жадные хозяйственные куркули, которые все гробут под себя. Но когда некоторое время не видимся, начинаем скучать и с удовольствием ходим друг к другу в гости, болтаем часами.

— **С коллегами все более или менее ясно. А как складываются отношения со зрителями?**

— Мой зритель — это мой партнер, такой же очищенный рафинированный индивидуалист, как я. Появляясь каждый вечер на экране, я отвлекаю его от дел. Он мог в это время наслаждаться прогулкой с собакой или трепаться на кухне с женой. А тут появляется в кадре какой-то супостат и начинает что-то рассказывать. Задача этого супостата — быст-

ро, «мухой» изложить все, что он нарыл за день, пока зрители работали, по-вернуться и уйти.

— **Наверное, ваша семья — самые внимательные ваши зрители?**

— Я не знаю. Катя (Сергей обращается к старшей дочери, присутствующей при нашем разговоре), вы смотрите меня по телевизору?

— Смотрим.

— Ну и как, нравится?

— Нравится.

— Ничего, что Катя здесь сидит? Она тоже хочет быть журналистом. Правда, еще не решила точно — журналистом или биологом. Мы с ней оба любим наблюдать за людьми и животными.

— **Кстати, о животных. Когда звонила в дверь, я слышала лай, но собаки что-то не видно.**

— Она заперта в ванной. Наша овчарка — очень серьезный товарищ, и ей лучше не вступать в контакт с незнакомыми людьми.

— **Расскажите, пожалуйста, о вашей новой программе.**

— Она будет выходить пять раз в неделю на первом канале и называться «Версии». Будет похожа на лучшие, я подчеркиваю, лучшие выпуски передачи «Подробности», хотя отчасти стилистика изменится. Мы постараемся предложить максимум версий главного события дня. Версии, естественно, не мои. Своими я делюсь дома с женой.

— **Ваша жена — тоже журналист?**

— Нет. Мы вместе учились в Университете дружбы народов, а сейчас она опекает коллекцию картин одного из крупных московских банков. У нее очень хороший вкус.

— **А у вас?**

— На уровне животного. Я не вижу, что конкретно изображено, и не смогу сказать, в какой манере написана картина. Я только знаю, хорошо это или плохо. Точно так же я никогда не могу описать, во что была одета женщина, какая у нее прическа. Для меня не имеют значения детали, только общее впечатление и только две категории оценки: «да» или «нет».

— **Своей жене вы часто говорите «да»?**

— Мы поженились, когда нам было по 20 лет, и за долгие годы притирки научились не предъявлять друг другу особых претензий.

— **И никогда не ругаетесь?**

— Ну, бывают иногда страсти в «итальянском стиле».

— **«Итальянский стиль» наводит на мысль о битье посуды и выбрасывании мебели из окон...**

— Мы просто много жестикулируем, очень быстро и очень много говорим, доводим все до абсурда и начинаем хохотать.

— **Вы разделяете интересы жены, ходите на вернисажи, всякие презентации?**

— Иногда хожу, куда ж я денусь. Однажды пошли с Машей на премьеру в Дом кино. Фильм отчаянно не понравился, мне захотелось уйти через пять минут после начала. Но мы сидели в самой середине ряда, и неловко было беспокоить людей. С тех пор я всякий раз прошу разрешения подождать жену в машине, а если номер не выходит, то сажусь с краю, чтобы иметь свободу маневра. Может, это старость? Не люблю я как-то ни новых фильмов, ни новых книг. Я знаю проверенные рецепты: когда мне нужно читать Пушкина, когда — Толстого. Марк Твен мне нужен всегда. Точно знаю, что мне никогда не надо читать Горького. А новых авторов боюсь.

— **А новых стран? Вы же объездили полмира.**

— Здесь все по-другому. В Бразилии, например, я хочу быть бразильцем. Сажу в номере отеля, настраиваюсь в одиночестве, а когда выхожу, то даже на русском начинаю разговаривать с их интонацией. Обожаю быть испанцем, это моя любимая страна. У них такое чувство уважения к собеседнику, что любой разговор они начинают с шуток о самих себе.

— **Вам нравится заниматься домашними делами?**

— Я люблю готовить. Многому научился в Латинской Америке. Из осьминогов получают очень вкусные жареные маслята. К ним могу предложить картошку из зеленых бананов. Очень хорошо идут с водочкой! Правда, я никогда не готовлю, если жена с дочерьми в отъезде, мне становится неинтересно. Я начинаю жевать сухой рис, потом перехожу на гречку, потом нахожу в шкафу поржавевшую банку консервов. Когда с запасами покончено, пью чай с сахаром.

— **А когда сахар заканчивается?**

— Возвращается семья.

Инга Угольникова

